

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXVII Международной научной конференции
(26–28 октября 2016 г.)**

*Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

текст – и есть роман Годунова-Чердынцева. Роман ставит проблему самоидентификации писателя [10. С. 71], которая заявлена уже в названии романа – два классических понятия – «лишнего человека» и «подпольного человека». «Динамика романа, – пишет М. Абашева, – выстраивается как непрерывный процесс идентификации личности «подпольного» писателя через фигуру Другого», а главный Другой героя романа – русская классическая литература [10. С. 71]. Для нас роман В. Маканина являет собой как бы послесловие к таким формам повествования, когда в тексте романа появляются тексты персонажа-писателя.

Таким образом, в мировой литературе XX века возникает поэтика «нового реализма» – произведений, которые используют поэтику модернизма, постмодернизма в особой повествовательной конструкции «текст в тексте», «интертекст», «художественная мистификация». Заметна высокая степень самоустранения автора-повествователя: повествование от лица героя-протагониста; имитация безличного монтажа из документов; замена вводных, инициативных моментов авторского изложения «экраном памяти» персонажей, обращение к стилизованной авторской фигуре, следующей образцам повествовательного этикета.

О популярности структуры «текст в тексте» и поэтики мистификации повествования говорит факт существования премии начинающих авторов имени И. П. Белкина, чьи номинанты и призеры удостоиваются награды не только как авторы повестей, но и как «публикаторы», «издатели» – мистификаторы. К таким современным авторам можно отнести Владислава Отрошенко (повесть «Дело об инженерском городе»), Марину Палей «Хутор», Игоря Савельева «Бледный город», Фигль-Мигль, Инну Булкину, Интернет-критика, обозревателя «Русского журнала» [11. С. 183–190].

Литература

1. Левин Ю.И. Повествовательная структура как генератор смысла: текст в тексте у Х.Л. Борхеса // Текст в тексте. Тарту, 1984. С. 54.
2. Лейдерман Н.Л. Липовецкий, М. Н. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир. 1993. № 7. С. 238.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. Гл. 4. С. 75–78.
4. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 11.
5. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. М., 1989. С. 234.
6. Буйда Ю.В. Ерма // Скорее облако, чем птица. М.: Вагриус, 2000. С. 58.
7. Руднев В.П. «Доктор Фаустус» // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. С. 126.
8. Рыбальченко Т.Л. Ситуация отказа от писательства в романах М.М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Маканина // Вестник ТГУ. № 277. Серия «Философия, культурологи, филология». 2003. Июнь. С. 137.
9. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. М.: Академия. 2003. Т. 2. С. 385.
10. Абашева, М. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века). Пермь: Пермский госуниверситет, 2001. С. 71.
11. Дмитриев А. Говорят финалисты премии Ивана Петровича Белкина // Знамя. 2005. № 7. С. 183–190.

А.В. Дергач, Н.И. Маругина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ОТРАЖАЮЩИЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию английских и американских фразеологических единиц, отражающих феминно-маскулинные отношения, а также выявлению гендерных стереотипов, характерных для англоязычной картины мира. Стереотипы являются неотъемлемой ча-

стью картины мира. Они подчинены различным признакам и тенденциям, имеющим место в обществе и, реализуясь в языке, играют ориентирующую функцию в поведении и мировоззрении индивида. Большой интерес при изучении стереотипов, в т.ч. гендерных, представляет фразеологический фонд языка, т.к. образность фразеологической единицы позволяет говорить о реализации в ней образов различной степени широты, от архетипических до упрощенных (стереотипов).

Мы выделяем гендерный стереотип как отдельный тип стереотипа, построенный по принципу противопоставления социальных ролей мужчины и женщины и несущий в себе обобщенную оценочную информацию, связанную с ними. Интерес к гендерной проблематике в современной науке обусловлен влиянием тенденций нового времени и вниманием к полу как к одному из аспектов человеческой личности. В свою очередь, социокультурный пол (гендер) является категорией, позволяющей говорить о человеке с позиции трансдисциплинарного подхода, когда различные аспекты его природы воспринимаются в совокупности и позволяют увидеть более полную картину его бытия. Гендерные исследования формируют новую парадигму для дальнейшего изучения проблемы «человек в языке», что объясняет интерес ученых-лингвистов к данной области.

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью фразеологического фонда английского языка в контексте гендерных исследований. В нашем исследовании мы рассматриваем специфику гендерных идиом, базируясь на материалах нескольких словарей.

Как уже было сказано, под гендерным стереотипом (ГС) понимается стереотип, обуславливающий и предписывающий формы поведения, социальные роли, мировоззренческую позицию, форму эмоционального самовыражения в рамках половой принадлежности (оппозиции мужчина/женщина). ГС запечатлевает предшествующий опыт данного социума, как правило, в рамках определенного социального института (брак, семья, работа). В качестве характерных особенностей ГС Я. А. Павлицева выделяет следующие черты [1]:

- фиксация в языке ментального образа, подкрепленного определенной эмоциональной окраской;
- императивный характер: гендерный стереотип предписывает обязательные нормы и рамки для каждого пола, гендерное поведение индивида;
- регламентация социальных ролей мужчины и женщины;
- ригидность предписываемого образа в рамках гендерного стереотипа;
- обобщающий характер.

Выбор фразеологического фонда языка в качестве материала для изучения гендерных стереотипов обусловлен рядом факторов. Прежде всего, опираясь на определение фразеологизма как свойственного только данному языку сочетания слов, общее значение которого не определяется значением отдельно взятых компонентов, мы понимаем его как единицу языка, в основу которой заложен самобытный образ явления, являющийся продуктом ассоциативного мышления членов той или иной лингвокультурологической общности и опирающийся на многовековой запас архетипических образов и норм поведения, характерных для неё. В их составе выделяются и наиболее устойчивые, шаблонные образы, или стереотипы (др.-греч. *στερεός* – твёрдый и *τύπος* – отпечаток).

Как отмечает в своей статье К. С. Матвеева, гендерная идентичность представляет собой явление сущностно частное и в то же время всеохватывающее, и в разные исторические эпохи оно имело различное содержание феминности и маскулинности [2. С. 170]. ГС предписывает набор характеристик, которыми «должен» обладать индивид, и вступает в силу при задействовании языка, выводя на поверхность пласт доминирующих в данном обществе представлений и формируя картину мира, которую исследователи называют языковой. А. В. Кирилина определяет данное явление как «исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [8]. Данные представления, которые несут в себе ГС, тя-

готеют к упрощению и обобщению вышеуказанных характеристик и порождают предрассудки, характер которых варьируется от безобидно-юмористического до крайне негативного, дискриминирующего и оскорбительного; очевидно, что эмоционально-экспрессивная окраска той или иной языковой единицы, несущей в себе ГС, уходит корнями в общенациональную систему ценностных ориентиров и имеет определенные исторические предпосылки.

В традиционном европейском обществе патриархальная семья выполняла роль основной хозяйственной единицы. Это повлекло за собой формирование ряда требований, предъявляемых к женщине и опирающихся на актуальные для того времени понятия о чести и благопристойности. В Англии существовал жесткий двойной стандарт относительно сексуального опыта мужчин и женщин [2. С. 170]. Его принятие означало неуклонное сохранение верности мужу, любые попытки самого невинного флирта с другими мужчинами расценивались как моральная распущенность. Э. Гидденс указывает, что все женщины разделялись на «добродетельных» и «пропавших» с позиции отказа поддаться искушению связей с мужчинами. Для форм отказа существовали различные институциональные установления, такие как ухаживание под присмотром пожилых дам, вынужденные браки. Даже единственный случай супружеской измены со стороны жены считался «непростительным нарушением закона о собственности и идеи наследования», раскрытие его приводило к карательным мерам. Однако измена со стороны мужа расценивалась как «достойная сожаления, но вполне понятная слабость» [3. С. 62]. Наблюдалась «маскулинность» и андроцентризм европейского общества в целом: в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» четко прописаны гендерные позиции моногамной семьи традиционного общества: «Господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство, – такова была исключительная цель единобрачия». Последующие трансформации были обусловлены общими изменениями в общественной жизни и способствовали усилению нестабильности моногамной семьи. Переход к индустриальному обществу XIX в. охарактеризован сменой необходимости иметь как можно больше детей для рабочей силы, тенденцией к ограничению размеров семьи, что способствует формированию характерных черт женской индивидуальности. Переход традиционного общества в общество индустриальное отмечается стиранием двойного стандарта гендерной морали – неравенства нормативов и норм поведения. Женское гендерное равенство стирает прежнее разделение гендерной идентичности на добродетельную и «падшую» женщину. Также имели место трансформации в американском обществе в XX в., определяемые как сексуальная революция – явление, повлекшее за собой изменения отношений между людьми в трансформациях норм, правил, принципов социального взаимодействия всей статусно-ролевой системы общества в целом и семьи в частности. [3. С. 175] Известно, что после войны за независимость США и создания американской республики в Декларации независимости было провозглашено, что «все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [5 С. 124]. Идея равенства стала частью национального самосознания, элементом «американской мечты», за которой стремятся иммигранты из других стран. Исследователи национальной культуры отмечают, что равенство является для американцев более ценной категорией, чем даже свобода. Но отцы-основатели, как и большинство их свободомыслящих современников XVIII века, под «равенством всех людей» подразумевали только свободных мужчин (oilmen). Американское гражданство не давало женщинам политических прав и свобод, гарантированных самой передовой для своего времени Конституцией. В XIX веке идея правового равенства обоих полов продолжала оставаться весьма крамольной в глазах демократического общества. Активисткам женского движения понадобилось более семи десятилетий, чтобы сформулированное ими главное политическое требование – предоставление избирательных прав – стало реальностью. [6] Л. Н. Попкова отмечает также преемственность между правовыми системами в Великобритании и США; основываясь на английском праве, которое стало юридической базой для формирования правовой системы США в XVIII веке, последняя полностью отрицала возможность получения женщинами права голоса и права на получение

образования. В первую очередь, это касалось замужних женщин. В «Комментариях к закону Англии» середины XVIII века указывалось, что «в браке муж и жена составляют единое целое», одно лицо, поэтому юридически жена не существует отдельно от мужа. Женщины не могут иметь право голоса, поскольку их мужа голосуют от их имени во имя интересов семьи в целом. Женщины не могут, соответственно, иметь политических интересов, отличных от интересов своих мужей, т.к. жена юридически является частью мужа». Кроме того, женщине, конечно, не полагалось быть компетентной в рациональном мужском мире политики [7]. В соответствии с обычным правом, гражданство замужней женщины зависело от гражданства ее мужа. Сексуальная революция радикальным образом оказала влияние на формирование и массовое распространение новых представлений о женственности (феминности) и мужественности (маскулинности). Она не только изменила отношение к женской сексуальности, которая в течение многих веков считалась патологией, но и способствовала формированию нового видения образа женщины в западном обществе, что впоследствии обеспечило не только дарование избирательных прав, но и обеспечение более влиятельного положения женщин в общественно-политической жизни государства, права быть избранной наравне с мужчинами. Одним из переломных периодов в жизни обеих стран также можно считать годы Второй Мировой войны, в которые произошло радикальное расширение женского участия в производстве. Шесть миллионов женщин, большая часть которых была замужем, впервые в своей жизни начали работать.

Основываясь на этих данных, мы можем выделить три этапа формирования женской гендерной идентичности и их основные черты:

1. Традиционное общество (до второй пол. XVIII века): моногамная патриархальная семья как единственно возможная модель отношений; ущербность образа женщины, отсутствие личных прав и свобод, полная юридическая и материальная зависимость от мужчины. Двойной стандарт гендерной морали. Добродетельность женщины определяется её полным подчинением воле мужа.

2. Индустриальное общество (XVIII–XIX вв.): формирование партнерского типа семьи, ограничение её размеров и постепенное обретение женщиной новой социальной роли; зарождение характерных черт женской индивидуальности. Стирание двойного стандарта гендерной морали. Женщина становится партнером, способным вносить материальный вклад в развитие семьи.

3. Постиндустриальное общество (XX–XXI в.): трансформации норм, правил, принципов социального взаимодействия всей статусно-ролевой системы общества в целом и семьи в частности. Женское движение. Сексуальная революция и переосмысление женской сексуальности. Активное участие женщин в общественно-политической жизни наравне с мужчинами, расширение женского участия в производстве.

На современном этапе, наряду с женщинами, мужчины всё чаще становятся объектом изучения гендерных исследований. Как утверждает И. С. Кон, этот сдвиг имеет свои интеллектуальные и социально-политические предпосылки.

На протяжении многих веков мужская идентичность сохраняла черты традиционного общественного уклада и предполагала быть главой семейства, мужем, кормильцем, добытчиком. Начиная с 1970-х гг., на Западе стали говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль жизни, а возможно, и сами психологические свойства мужчины не соответствуют современным социальным условиям и что мужчинам приходится платить за свое господствующее положение слишком большую цену. Однако причины этого явления, который определяется Коном как «кризис маскулинности», и возможные пути его преодоления трактуются по-разному и даже противоположно [25].

По мнению Барбары Эренрайх, мужской протест против прежних гендерных ролей не уступает женскому. Постепенно мужчины перестали соглашаться с прежней необходимостью работать на других, изменилось и их отношение к браку.

В последней трети XX в. исторический кризис привычных гендерных устоев стал вызывать растущую озабоченность и недовольство представителей обоих полов. Если в XIX в. в ев-

ропейском общественном сознании появился так называемый женский вопрос, то теперь можно говорить о появлении особого «мужского вопроса». Первое «Мужское освободительное движение» (The Men's Liberation) зародилось в США в 1970 г. в русле либеральной идеологии. Его организационным центром в 1970–80-х гг. была «Национальная Организация для меняющихся мужчин», которую в 1991 г. сменила «Национальная организация мужчин против сексизма» (The National Organization for Men Against Sexism – NOMAS).

Таким образом, три этапа формирования гендерной идентичности, выделенные нами в ходе исследования, с позиции маскулинности могут выглядеть следующим образом:

1. Традиционное общество (до второй пол. XVIII века): Андроцентричность. Строго предопределенная роль главы семьи и единственного источника дохода, предписываемые в связи с этим понятия маскулинности. Привилегированная позиция мужчины в обществе, обладание правами и свободами.

2. Индустриальное общество (XVIII–XIX вв.): формирование партнерского типа семьи; основная роль мужчины становится частично доступной женщине, в результате чего часть его обязанностей разделяется между супругами.

3. Постиндустриальное общество (XX–XXI в.): трансформации норм, правил, принципов социального взаимодействия всей статусно-ролевой системы общества в целом и семьи в частности. Мужское движение.

Сравнив этапы формирования женской и мужской идентичности, можно сделать вывод, что в рамках меняющихся в ходе исторического процесса общественных установок позиция мужчины гораздо более стабильна, нежели позиция женщины. Это выражается, прежде всего, в правовом аспекте, однако стоит также отметить существующую на протяжении истории систему поведенческих установок и неких «маскулинных черт», практически не изменяющихся на протяжении истории и имеющих место и по сей день, когда в своих суждениях мы опираемся на некий собирательный образ «настоящего мужчины». Ввиду своей обобщенности и жесткости рамок, допускающих лишь определенные действия и определенное эмоциональное поведение в рамках половой принадлежности, данный образ является стереотипным. Опираясь на рассмотренные нами исторические предпосылки, можно предположить, что при выявлении «мужских» гендерных стереотипов в языковой картине мира мы имеем дело с одним устойчивым набором характеристик, с различной степенью интенсивности проявляющимся в разные периоды развития. Вместе с тем, образ женщины в истории включает в себя целый набор таких стереотипов, характеризующих её постоянно трансформирующуюся общественную роль на каждом отдельном этапе развития. Стоит также учитывать взаимосвязь мужских и женских ГС, поскольку роль мужчины и степень его влияния на разных этапах зависели от степени свободы женщины – и наоборот, как было отмечено Б. Эренрайх, усиление влияния женщины снизило степень ответственности, которая лежит на мужчине, и дало ему свободу выбора и самовыражения.

Выбрав в качестве материала для исследования фразеологические единицы языка, а в качестве предмета анализа – взаимоотношения понятий феминности и маскулинности и их позиционирование в рамках института семьи, межличностных отношений и общественной жизни, мы выделили ряд фразеологизмов и паремий, которые в совокупности способны наиболее точно проиллюстрировать ГС в англоязычной картине мира.

Как показывает исследование английских идиом и паремий, образ женщины представлен в них гораздо менее развернуто и имеет преимущественно отрицательную семантическую окраску. На всех трёх уровнях прослеживается общая тенденция к гендерной асимметрии, характерной для патриархальной культуры, с более высокой оценкой мужчины, чем женщины.

Наибольшее количество отрицательных оценок наблюдается на морально-психологическом уровне, что можно объяснить влиянием андроцентрического мировидения традиционного общества, в котором основными (и единственными) функциями женщины признаются деторождение и ведение домашнего хозяйства; полностью исключалась возможность женского образования, существование женской индивидуальности, в т.ч. женской сексуальности. В связи

с этим подавляющее большинство фразеологических единиц приписывает женщине низкий интеллект (*Women have long hair and short brain; Women are vain: they'd rather be pretty than have a good brain*) и негативные нравственные качества (*Women are the root of all evil, She's no better than she should be*), суть которых построена на традиционных представлениях о женщине благодетельной (*virtuous woman*) и порочной. Отмечаются сравнения женщины с курицей, которая традиционно ассоциируется с глупостью (*It's a sad house where the hen crows louder than the cock, a whistling woman and a crowing hen are neither fit for God nor men*). Положительно отмечаются женская привлекательность, верность мужу, развитая интуиция, скромность, ведение хозяйства как плата за материальные блага, которыми её обеспечивает мужчина (*A gracious woman retains honor, belle of the ball, the angel in the house, make an honest woman out of smb, Maidens must be mild and meek, swift to hear and slow to speak; a virtuous woman is a source of honor of her husband, women's instinct is often truer than men's reasoning; silence is a woman's best garment; she eateth not the bread of idleness*) Особенно ярко данные представления проявляются в ряде фразеологизмов и паремий, датируемых XVIII-XIX в., однако словари современной английской фразеологии также содержат единицы, построенные по данному принципу и имеющие преимущественно ироническую/юмористическую окраску (*empty nester, her indoors*).

На более поздних этапах возрастающая независимость женщины, формирование её индивидуальности на фоне становления партнерского типа семьи и последующее участие в общественной, производственной и политической деятельности обуславливает появление новых идиом и паремий, отражающих основные характеристики образа женщины индустриального и постиндустриального общества. Женщина принимает на себя часть мужских обязанностей, начинает приносить доход в семью, в связи с чем её образ ассоциируется с надежностью (*Behind every great man there's a great woman, the grey mare is the better horse*), а слабость и зависимость от мужчины встречает всё более негативные ассоциации (*clinging vine; beautiful woman does not enrich man*). Вместе с этим, в ряде единиц присутствует скрытое позиционирование женской силы над мужской, жена манипулирует мужем, имеет над ним особую власть. Зачастую образу женщины придается мистический, демонический оттенок (*Women are the snares of Satan, Hell hath no fury like a woman scorned, There is no devil so bad as a she devil*), подчеркиваются такие её качества, как хитрость и коварство (*to get your claws into*).

Мужчине приписывается как положительное, так и отрицательное морально-нравственное поведение и соответствующие качества (сила, храбрость, честность, вспыльчивость, пьянство) (*a man of straw is worth a woman of gold, an honest man is the noblest work of God, an angry man opens his mouth and shuts his eyes; gaming, women and wine make men pine*). Несмотря на разнородность оценок, положительные качества преобладают. Гендерно-маркированные фразеологические единицы, содержащие набор качеств, традиционно приписываемых определенному полу, зачастую носят идеализированный характер и употребляются иронически, стереотипные качества при этом гиперболизированы (*a knight in shining armour/damsel in distress*).

Наряду с социальными ролями «муж-жена» социально-бытовой уровень включает в себя роли «отец-мать», которые имеют равную важность и преимущественно положительные характеристики. Так, в образе матери подчеркивается мудрость и общечеловеческая важность (*Mother wit; the hand that rocks the cradle rules the world*), а образ отца представляет собой авторитетную фигуру и объект для подражания (*father figure; like father, like son*).

Становление постиндустриального общества породило ряд новых тенденций в общественной жизни, которые также получили отражение в языке.

Одной из ведущих тенденций является доступность всех сфер общественной жизни для обоих полов, их равенство в правах. Окончательно изживает себя стандарт, согласно которому женщина является хранительницей очага, а мужчина – добытчиком и кормильцем. Выбор типа семьи (как и свобода выбора партнера или же вовсе его отсутствие) становится вопросом индивидуального выбора; это порождает различные феминистские слоганы, провозглашающие женскую самостоятельность и свободу от обязанности выходить замуж (*a woman needs a man*

like a fish needs a bicycle), а мужчины, в свою очередь, вольны выбирать холостяцкий образ жизни (a confirmed bachelor). Также следует принять во внимание свободу самовыражения, характерную для общества начиная со второй половины XX в. и в наши дни, связанную с популяризацией молодежных движений и субкультур; размытие гендерных рамок встретило такие внешние проявления, как свобода стиля одежды (стиль унисекс) и манеры поведения, которые характеризует выражение “gender-bender”.

Стоит также обратить внимание на идиоматическую лексику, связанную с тематикой бизнеса и профессиональной деятельности. Современные фразеологические единицы характеризуются своей универсальностью в отношении вопроса гендерной идентичности и могут быть рассмотрены на метагендерном уровне [8]. Так, в американском английском фразеологизм “to bring home the bacon” употребляется в отношении обоих полов; для обозначения независимой и успешной женщины (чаще темнокожей) употребляется выражение “Aunt Tom”; наравне с “man Friday” по отношению к надежному и грамотному работнику употребляется “girl Friday”. Равенство мужчины и женщины в ведении бизнеса прослеживается в идиоме “Mom and pop”, а для обозначения состоятельного человека используется как “a man of means”, так и “a woman of means” соответственно.

Необходимо также остановить наше внимание на второй функции гендерного стереотипа, а именно - на его возможности подсознательно влиять на мышление и поведение, проявляясь в языке; быть «источником неравенства», как охарактеризовал его Ж. Лакан. Участие обоих полов в общественно-политической жизни государства стало характерной чертой второй половины XX века (the Grand Old Man, the Iron Lady), что свидетельствовало о значительном продвижении в достижении равенства полов. Несмотря на это, некоторые черты традиционного миропонимания, перечисленные ранее, продолжали действовать в отношении политических деятелей; если для обозначения честного и неподкупного политика употребляется выражение “mr. Clean”, то общественный деятель, занимающийся благотворительностью с целью произвести впечатление и выставить себя в выгодном свете, обозначается выражением “Lady Bountiful”.

Более того, необходимо отметить негативно-оценочный характер современных разговорных идиоматических выражений. Среди наиболее употребимых в современном разговорном языке: “man up”, “to throw like a girl”, “to be a man or a mouse”, “a weak sister”, “be a pussy/ be a wuss” – несут оскорбительный характер ввиду резкой ограничительной окраски и отражают влияние гендерных стереотипов, сформировавшихся веками ранее, на современные единицы языка. Опираясь на теорию П. Экерт и С. МакКоннел Джинет о процессе влияния закрепленных стереотипов на языковое поведение индивида, можно охарактеризовать данное явление как результат конфликта стереотипного образа маскулинности, отражающего устаревшее миропонимание данного концепта, и его современной интерпретации в рамках изменяющихся социальных ролей.

Таким образом, рассмотрение фразеологических единиц английского языка позволило выявить характерные качества субъекта, которые могут быть соотнесены как с традиционными мужскими архетипами (отец, муж, рыцарь, добытчик), так и с женскими (мать, верная жена, хранительница домашнего очага, также роковая и коварная женщина). На основе этого выделяются стереотипные качества данных субъектов, имеющие оценочный характер в отношении основных концептообразующих признаков (сила и храбрость, агрессивность мужчины, красота и слабость, глупость (реже – сила и коварство) женщины). Так, более ранние идиомы и паремии характеризуют женщину как глупое, пусть и обладающее приятной наружностью, существо; данное суждение изначально носит обобщенный и поверхностный характер, так как для женщин невозможность получить образование была вызвана рядом внешних факторов, в т.ч. обязанностью в одиночку вести домашнее хозяйство. Гендерные стереотипы, уходящие корнями в традиционное общество, содержат в себе систему установок, предопределяющих поведение в браке и выборе партнера: с ходом времени влияние подобных установок ослабевает, употребление единиц становится неуместным в контексте нового миропонимания. При анализе гендерно-маркированных фразеологических единиц из разных областей англоязычной реаль-

ности становится очевидным факт эволюции гендерных представлений в англоязычной языковой картине мира и общая тенденция к выходу за рамки гендерных стереотипов на уровень, обозначенный Кирилиной как «метагендерный» [8]. Обилие гендерно-маркированных единиц на первых отмеченных нами этапах развития общества и их постепенный численный спад на современном этапе говорит об отражении в языке характерной для современного общества тенденции к установлению гендерного равенства. Однако, несмотря на то, что английский язык, подчиняясь тенденциям современности, сокращает употребление гендерно-маркированных единиц, гендерные стереотипы продолжают влиять на языковое поведение индивида. Пересматриваются и переоцениваются роли мужчины и женщины, но фиксированная оценка феминно-маскулинных признаков не претерпевает существенных изменений (ни в одной из приведенных фразеологических единиц (за исключением единиц оскорбительного характера) мужчина не представлен слабым и покорным, как и женщина не перенимает основополагающих «мужских» черт). На основе этого можно сделать вывод, что появление единиц, дающих оценку современному порядку распределения гендерных ролей, обусловлено прежде всего появлением новых (в рамках последнего столетия) реалий, таких как «независимая работающая женщина», «женщина-политик», «холостяк» и т.д.; вместе с этим остаточные признаки многовековых стереотипов, построенных на традиционной системе гендерных различий и миропонимании андроцентричной картины мира, продолжают существовать, будучи закрепленными в коллективном сознании носителей английского языка.

Литература

1. Павлицева Я.А. Фразеология как источник гендерных стереотипов (на материале английского языка), 2014 [Электронный ресурс]
2. Матвеева К.С. Эволюция социальных представлений о гендерной идентичности // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 1 (69).
3. Гидденс Э. Социология // Эдиториал. Самара, 1999. 153 с.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1986.
5. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Сост. В.И. Лафитский; под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993. 766 с.
6. Попкова Л.Н. Социально-правовой статус женщин США: история XX века. Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. American Women. The Report of the President's Commission on the Status of Women. N.Y. 1965 [Электронный ресурс]
7. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.
8. The Oxford Dictionary of Idioms. Oxford University Press, 2004.
9. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2008.
10. Longman American Idioms Dictionary // Pearson Education ESL, 2000.

Т.Ю. Жихарева

Тюменский государственный университет

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ТВОРЧЕСТВО» В РОМАНЕ С. МОЭМА «ЛУНА И ГРОШ»

Аннотация. Каким образом при помощи символики С. Моэм выражает такое неоднозначное понятие, как ТВОРЧЕСТВО? Что включает в себя символ? Что предполагает творчество, с точки зрения У. С. Моэма? Только ли это выражение Прекрасного? Можно ли назвать искусством стихийное творчество Чарльза Стрикленда?